

ГРАНИ

GRANI

129

1983

Verlagsort: Frankfurt/M., Juli-September

Г Р А Н И

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА, НАУКИ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Год XXXVII

№ 129

1983

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

- Ирина РАТУШИНСКАЯ — Стихи 5
Ростислав ВОГАК — Из стихотворений 1977-82 годов 13

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

- Мария ШНЕЕРСОН — «Правило последних вершков»
(О романе А. Солженицына «В круге первом») 18

ВОСПОМИНАНИЯ

- Аркадий СТОЛЫПИН — В Елагинском дворце 50

ДОКУМЕНТЫ

- Н. В. САВИЧ — Воспоминания. Часть II. Государствен-
ная Дума накануне и во время войны 60

ПУБЛИЦИСТИКА

- В. БОНДАРЕНКО — Размышления о послебольше-
вистской России 208

БИБЛИОГРАФИЯ

- Д. Поспеловский — Размышления над работой М. Фешбаха 248
Н. Росс — Восемнадцатый год на Урале и в Прикамье 257

Мария ШНЕЕРСОН

«Правило последних вершков»*(О романе А. Солженицына «В круге первом»)*

”Теперь послушай: *правило последних вершков!* /.../, — говорит один из солженицынских героев Дмитрий Сологдин. — Работа почти окончена /.../ но качество вещи — не совсем *то!* Нужны еще доделки, может быть, еще исследования. В этот миг усталости и довольства собой особенно соблазнительно покинуть работу, так и не достигнув вершины качества. Работа в области последних вершков очень, очень сложна, но и особенно ценна, ибо выполняется самыми совершенными средствами! Правило последних вершков в том и состоит, чтобы не отказываться от этой работы /.../ И не жалеть времени на нее, зная, что цель всегда — не в скорейшем окончании, а в достижении совершенства!!” (I, 206—207).

Думается, в этих словах сформулирован основной творческий принцип самого писателя. Доказательством может служить история создания романа ”В круге первом”.

”КРУГ-96” И ”КРУГ-87”

Работа над этим произведением продолжалась в общей сложности 13 лет. Начат был роман в Кок-Тереке в 1955 году. Первая редакция завершена через

два года в деревне Мильцево, в избе Матрены. Это — так называемый "Круг-96", т. е. полный текст романа, состоявшего из 96 глав.

В Рязани создаются вторая и третья редакции. В 1964 г. завершена четвертая, которую автор считал окончательной. Но после публикации "Одного дня Ивана Денисовича" появилась надежда напечатать и "В круге первом". И роман подвергается радикальной переделке: меняется основная сюжетная линия, исключаются главы, связанные с прежним сюжетом или явно непроходимые через цензуру ("Этюд о великой жизни", "На просторе", "Тверской дядюшка" и др.). Таким образом, в пятой, "облегченной" редакции осталось восемьдесят семь глав. Это — так называемый "Круг-87". В июне 1964 года в таком виде роман был принят "Новым миром", но, как известно, опубликовать "В круге первом" оказалось невозможным.

Летом того же года Солженицын заканчивает шестую редакцию, представляющую собой попытку углубить и заострить вариант 87 глав. В этом виде осенью 1964 года фото пленка романа отправляется на Запад.

В сентябре 1965 года КГБ захватил пятую редакцию "В круге первом". Начиная с 1967 года, она распространяется в Самиздате. В 1968 году шестая редакция романа впервые была напечатана в США. И именно углубленный вариант "Круга-87" получает всемирное признание.

Но это не был его подлинный текст. И летом 68-го года Солженицын работает над восстановлением первоначального замысла ("Круг-96"). Создается последняя, окончательная редакция "В круге первом" — седьмая по счету. В 1978 году автор ее публикует в своем собрании сочинений как каноническую¹.

Таким образом, роман в полном виде читатели узнали через 23 года после того, как писатель приступил к работе над ним, и через 10 лет после его завершения.

Многотрудная история первого романа Солженицына лишней раз показывает, как в Советском Союзе для того, чтобы пробить своему произведению дорогу к читателю, автор вынужден кастрировать это произведение, подчиняясь голосу внутреннего редактора. "Судьба современных русских книг: если и выныривают, то ущипанные /.../, — говорит Солженицын в предисловии к роману, — чтобы дать ему хоть слабую жизнь /.../ я сам его ужал и исказил, верней — разобрал и составил заново..." (I, 7).

Сличение шестой и седьмой редакций романа показывает, что, восстанавливая первоначальный текст, писатель не ограничивался возвращением к прежнему варианту. Следуя "правилу последних вершков", он стремился "к достижению совершенства" ("...восстанавливая, я кое-что и усовершенствовал", — говорится в предисловии). Работа шла над структурой романа, над углублением характеров его героев, над художественными деталями, над языком.

ГЛАВНАЯ СЮЖЕТНАЯ ЛИНИЯ

Помню, как летом 1968 года читала я машинописный текст "В круге первом".

Теперь я знаю, что в моих руках была пятая редакция романа. Но тогда казалось, что это — законченное, совершенное произведение, и я была крайне удивлена и огорчена, узнав, от одного близкого Солженицыну человека, что именно сейчас где-то в глухом потаенном месте писатель трудится над новой редакцией. Зачем?! Казалось, созданное на-

столько прекрасно, что переработка может его только испортить.

И когда через десять лет я начала читать "Круг-96", трудно было преодолеть чувство крайнего предубеждения. Очевидно, и другие читатели с подобным же чувством подошли к оценке последней редакции романа, да так и не смогли это предубеждение преодолеть.

К числу таких читателей относится, например, автор недавно вышедшей книги А. Краснов-Левитин². Он упорно называет "канонической" шестую редакцию, отвергнутую самим писателем, хотя известно, что каноническим принято считать текст последней редакции, так как воля автора является непреложной.

Краснов-Левитин прежде всего считает неправдоподобной историю с атомной бомбой. Но послушаем, что говорит об этом Солженицын: "...вместо 'атомного', как было на самом деле, поставлен широкоизвестный советский сюжет тех лет — 'измена' врача, передавшего лекарство на Запад" (II, 403).

Писатель подчеркивает: "как было на самом деле". Действительно, в основу сюжета положен случай, о котором рассказал Лев Копелев в своих мемуарах "Утоли моя печали"³.

Конечно, в споре о "правдоподобии" ссылки на то, "как было на самом деле", не всегда убедительны. Художественный вымысел может быть правдоподобнее, нежели сама жизнь. Сравнивая первоначальный вариант сюжета романа и его подцензурную версию, важно установить, какой из двух вариантов значительнее, какой из них полнее и глубже отражает эпоху и ее закономерности. С этой точки зрения, представляется бесспорным преимущество 'атомного' сюжета.

О чем бы ни писал Солженицын, он прежде всего

— писатель-историк. Историзм — характерная черта его художественного мышления. История России — его главная тема. Нет сомнения и в том, что "В круге первом" — роман исторический. Произведение, в котором события разворачиваются на протяжении трех с половиной дней, по существу, рисует историю Советского Союза на протяжении нескольких десятилетий, а также затрагивает и дореволюционное прошлое России. Более того, в романе речь идет и о судьбах человечества, поскольку будущее нашей планеты связано неразрывными нитями с историей страны победившего социализма.

Вот почему и сюжет, основанный на похищении атомной бомбы, неизмеримо значительней, нежели сюжет "Круга-87". Дело касается не спасения старого врача от готовящейся провокации, а спасения мира от страшной опасности. И неудача Володина из частной превращается в глобальную.

Об атомной бомбе речь идет не только в главах, посвященных Иннокентию Володину. Теперь то здесь, то там на страницах романа о ней заходит разговор. Поэтому даже в тех случаях, когда Володина нет на сцене, его героический поступок остается в поле зрения читателя. Текст романа становится как бы более сцементированным, яснее прочерчивается его главная сюжетная линия.

О том, насколько важен был отчаянно смелый шаг Иннокентия, свидетельствуют размышления Сталина: "Но без молниеносной войны не обойтись. Начать можно будет, как атомных бомб наделаем /.../ Вообще путь к мировому коммунизму проще всего через Третью Мировую войну..." (I, 177). Вождь мирового пролетариата мечтает о том недалеком времени, когда он начнет "Йи-вропу сажать!"

Герои романа понимают, какую угрозу для всего мира представляет атомное оружие, если им завла-

деют большевики. Нержин говорит о неизвестном ему Володине: "Этот парень рассудил не так глупо" (II, 381). Еще до своего отчаянного поступка Иннокентий беседует с тверским дядюшкой, и тот касается этой же темы: если *они* сделают атомную бомбу, "пропали мы, Инок. Никогда нам свободы не видать" (II, 86). И Иннокентий понимает: "Атомная бомба у коммунистов — и планета погибла" (II, 272).

Размышляет о создании атомной бомбы и Герасимович. Он осуждает тех ученых, которые готовы "эти силы природы отдать в руки столь недостойных, даже ничтожных людей" (II, 245).

Об атомной бомбе думает также дворник Спиридон. Но в его устах эта тема поворачивается с неожиданной стороны: "Если бы мне, Глеба, сказали сейчас: вот летит такой самолет, на ем бомба атомная. Хочешь, тебя тут как собаку похоронит под лестницей, и семью твою перекроет, и еще мильен людей, но с вами — Отца Усатого и все заведение их с корнем, чтоб не было больше, чтоб не страдал народ по лагерях, по колхозах, по лесхозах? /.../ я бы сказал /.../ А ну! ну! кидай! рушь!!" (II, 149).

Так тема атомной бомбы проходит через весь роман, поворачиваясь разными гранями. И на фоне размышлений других героев подвиг Володина становится особенно значительным. А неудача его — особенно трагической.

Сейчас, через 15 лет после того, как роман был закончен, мы можем оценить прозорливость художника, предвидевшего, что СССР станет самой могущественной атомной державой и что это превратится в угрозу для всего Земного шара.

ТЕМА ПОДВИГА

”Наша способность к подвигу, то есть к поступку, чрезвычайному для сил единичного человека, отчасти создается нашею волей, отчасти же, видимо, уже при рождении заложена или не заложена в нас. Тяжелей всего дается нам подвиг, если он добыт неподготовленным усилием нашей воли. Легче — если был последствием усилия многолетнего, равномерно-направленного. И с благословенной легкостью, если подвиг был нам прирожден...” (II, 267).

Тема подвига — одна из центральных в ”Круге-87” — разрослась и углубилась в последней редакции романа в связи с изменением его главной сюжетной линии.

В романе представлены разные типы людей, совершающих разные подвиги. Рожденный для подвига Руська Доронин ведет легко и задорно игру со смертью. Годы, проведенные в тюрьме, годы глубоких раздумий подготовили к подвигу Нержина, Бобынина, Герасимовича. Труднее дается подвиг изнеженному, нервному, ранимому Володину. На подвиг способны и другие герои Солженицына. Граничит с подвигом безоглядно смелое поведение Хороброва. Да и Рубин — своего рода подвижник: во имя торжества социализма он готов пожертвовать не только жизнью, но и своим человеческим достоинством. Это — мученик ложной идеи, и поэтому мученик вдвойне. Володин пытается спасти мир, не дав большевикам завладеть атомной бомбой. Рубин стремится ”спасти атомную бомбу для Революции” (II, 160).

В ”Круге-96” добавлены детали, подчеркивающие силу подвига таких героев, как Нержин, Герасимович и, конечно же, Володин.

Решение Глеба отказаться от благополучной жизни на шарашке, чтобы сохранить внутреннюю свободу и "не утонуть в луже", — решение, бесспорно, героическое. В окончательной редакции романа появляются штрихи, подчеркивающие силу его духовного подвига.

Так, в 47 главу ("Разговор три нуля"), которой не было в "Круге-87", введен такой эпизод: чтобы спасти Глеба от каторги, Рубин предлагает включить его в свою группу, выполняющую сверхсекретное и сверхважное задание. Но Нержин отказывается, хотя и знает, что его ждет в лагерях. В "Круге-87" он отказывается лишь от аналогичного предложения Сологодина. Теперь же дважды отвергает возможность уцелеть. Причем писатель добавляет такую мотивировку решения своего героя: "Но если вкалывать — то когда же развиваться?" (II, 382). Это добавление весьма существенно: в словах Нержина — весь человек, для которого главное — "строить душу".

Сильнее звучит и тема подвига Герасимовича. Прежде всего, образ его становится более значительным. Появляются две главы, которых не было в "Круге-87" (81-я "Техно-элита" и 90-я "На задней лестнице"), в которых Герасимович предстает перед нами как глубокий мыслитель, быть может, во многом близкий самому писателю. И его отказ от участия в изготовлении аппарата для "ловли человеков" выглядит теперь не как случайный порыв честного интеллигента, а как поступок, основанный на глубоко продуманной и четко выработанной нравственной позиции.

В 81-й главе Герасимович говорит, что стыдно работать на большевиков; осуждает тех, кто ради своего благополучия преподносит им реактивные двигатели, ракеты фау, секретную телефонию, а может

быть, и атомную бомбу (II, 246). Более того, он призывает к сопротивлению: "Если мы не вмешаемся, то кто?.. И неужели не справимся?" (II, 246). После таких слов его отчаянно смелый поступок выглядит закономерным и неизбежным.

Усиливается и контраст между героическим отказом Герасимовича и решением Сологдина спастись ценой сотрудничества со своими заклятыми врагами. Образ Сологдина теперь значительно снижен, но это лишь подчеркивает героизм Герасимовича.

В 69-й главе, где рисуется смертельная схватка Рубина и Сологдина, появляются существенные детали. Рубин говорит: если бы Сологдин мог получить свободу, продав своим тюремщикам какое-нибудь изобретение, он бы "на брюхе пополз". — "Никогда! — затрясся Сологдин". И далее: "Если раньше Сологдин мог колебаться, то теперь-то с наслаждением влепит он удар этой своре: не давать им шифратора! не давать! Не катить же и тебе их проклятой колесницы!" (II, 159).

Здесь Сологдин рассуждает совсем как Герасимович. И действует далее, основываясь на тех же нравственных принципах: сжигает чертеж, проявляет твердость в разговоре с Яконовым.

Но истинным героем оказывается не этот красавец, похожий на древнерусского витязя и считающий себя рыцарем, а щупленький тихий Герасимович. Сологдин не устоял против страшного оружия, которое пустил в ход Яконов, поманивший и пригрозивший: "...в августе вы получили бы уже первый отпуск — поехали бы к Черному морю /.../ Но вы попадете на такой север, где реки никогда не вскрываются..." (II, 229). Вслед за этой угрозой в "Круге-96" вставлен очень важный внутренний монолог Сологдина: "Все пути событий подчинены тебе. Зачем тебе погибать? Для кого? Для

безбожного потерянного развращенного народа?" (II, 229).

Внешне Сологдин кажется победителем. Он блестяще ведет дальнейшую игру, он диктует условия всемогущему Яконову. А Герасимович — побежденный: его этапируют в лагеря смерти. Но по большому счету все наоборот: нравственная победа остается за Герасимовичем, а Сологдин — сломлен.

Об этой великой нравственной победе, одержанной не одним Герасимовичем, но и Нержиным, и Дорониным, и Хоробровым, говорится в концовке романа: "Да, их ожидала тайга и тундра, полюс холода Ой-Мякон и медные копи Джебказгана. Их ожидала опять кирка и тачка, голодная пайка сырого хлеба, больница, смерть. Их ожидало только худшее. Но в душах их был мир с самими собой. Ими владело бесстрашие людей, утерявших в с е до конца, — бесстрашие, дающееся трудно, но прочно" (II, 398).

Такого бесстрашия не мог обрести Володин. Ему есть, что терять! Но по велению высшего чувства долга он идет на муки, которые страшнее смерти.

"Атомный" вариант сюжета придает подвигу Иннокентия особый ореол. В "Круге-96" появляются новые штрихи, подчеркивающие масштабы его подвига. Так, в первой главе вставлено замечательное развернутое сравнение. Когда Володин едет на такси в поисках телефона-автомата, перед ним неожиданно вырастает грозное здание на Лубянке. Оно представляется огромным линкором: и "под нос тяжелого быстрого корабля" "так и тянуло" "одинокий утлый челночек Иннокентия". Но нет! "Нет, не тянуло челноком — это он сам шел на линкор — торпедой!" (I, 15). Сравнение, подчеркивающее величие подвига, определило и новое название главы: не "А кто вы такой?", а — "Торпеда".

Другое, не менее выразительное сравнение появляется тогда, когда Володин уже попал на Лубянку. Переживания обреченного полнее и глубже раскрываются в каноническом тексте. Рождаются слова, которых не было в "Круге-87".

Володин размышляет о неизбежной гибели: "Глухая громада задавит его — и никто на Земле никогда не узнает, как щуплый белотелый Иннокентий пытался спасти цивилизацию!" (II, 353). Сердце леденит ожидание страшного возмездия: "Впереди был или расстрел или пожизненное одиночное заключение. Что-нибудь остужающее кровь /.../" (II, 352).

Минутами он готов пожалеть о содеянном: "Его телефонный звонок казался ему уже не великим поступком, который будет вписан во все истории XX века, а необдуманным и главное бесцельным самоубийством" (II, 356).

Но недаром автор говорит, что за эту долгую тюремную ночь его герой вознесся на некую "высоту борьбы и страдания". И вот появляется потрясающей силы сравнение: "Ему вообразилось столкновение, сшибка американской статуи Свободы и нашей мухинской, вертящейся, столько раз повторенной в фильмах. И туда, на расплющивание, в самое страшное место, сунулся он позавчера. И — не мог иначе. Безучастным остаться он не мог. Выпало это ему..." (II, 366).

Теперь не только становится более значительным подвиг Володина, не только трагичнее его крушение, но и весь роман озаряется каким-то новым предгрозовым светом. И потому, что тучи, лишь собиравшиеся над миром в 49-м году, заволокли нынче чуть ли не все небо. И потому, что и двух десятилетий не прошло после гибели Володина, как другие такие же честные и самоотверженные одиночки

кинулись торпедой на могучий линкор, и большинство из них поглотила бездна.

Читая о том, как на весь мир прозвучали слова диктора московского радио Владимира Дончева, осмелившегося в пяти передачах на английском языке заклеить позором советских оккупантов Афганистана, я вспоминала Иннокентия Володина. Как и он, Дончев шел на верную гибель, но безучастным оставаться не мог.

А сколько таких же бесстрашных, самоотверженных героев узнал мир, сколько сгинуло бесследно!

Тема подвига — важнейшая для русской истории второй половины XX века, — тема величественная и трагическая — пророчески звучит в романе, задуманном задолго до зарождения диссидентского движения.

ТРАГИЧЕСКОЕ НАЧАЛО

“Круг-96” гораздо трагичнее, нежели “Круг-87”. Это проявляется не только в истории с атомной бомбой, но и в ряде новых эпизодов, отдельных реплик и деталей. Теперь перед читателем открывается куда более широкая панорама сталинской эпохи и истории России предшествующих лет.

Особенно значительными представляются две главы, изъятые из романа по цензурным соображениям и теперь восстановленные: “На просторе” (гл. 44) и “Тверской дядюшка” (гл. 61). Обе главы связаны с линией Володина, которая стала центральной еще и потому, что с ней органически сплелись эпизоды, рисующие прошлое и настоящее России.

Глава “На просторе” уводит нас в мир колхозной деревни. Это — деревня радищевских времен, но еще более нищая, еще более страшная. В романе об-

раз русской деревни становится символическим, как бы олицетворяя трагедию загубленной страны.

Сперва открывается прекрасная картина — "сияющий простор". "Так это — Россия? Вот это и есть — Россия? — счастливо спрашивал Иннокентий /.../" (I, 336). Но подлинная современная Россия раскрывается перед ним, когда он попадает в деревню.

Поражает контраст между великим Простором (Солженицын пишет это слово с большой буквы) и убожеством, нищетой, мерзостью запустения, которые царят вокруг. Мы видим "покосившиеся хилые двери, как в курятниках, а не домах", "убогие тряпки", старуху с мертвым цыпленком в руке. Деревня словно вымерла: "Не было жизни ни на улице, ни во дворах" (I, 341). Встречается лишь мужик, голова которого втянута в плечи, "как бы от постоянного озноба или страха", другой — одноногий "латаный мужик", "человек в чумазой робе".

Символичен и образ земли — земли-кормилицы, которая в народной поэзии любовно зовется испокон веку "земля-матушка". Мудрый русский язык одним этим словом называет и почву, и родину, и нашу планету. И вот во что превратилась земля (во всех значениях): "израненная, изувеченная, больная земля вся была в серых чудовищных струпьях комков и свинцовых загноинах жидкой грязи" (I, 343). А над этим страшным запустением, среди ржавых, облезлых, облупленных сельскохозяйственных машин, красуется лозунг: "Вперед, к победе коммунизма!"

Слова Иннокентия, произнесенные под впечатлением виденного: "Жизнь распалась", — кажутся итогом не только его пути, но и обретают всеобъемлющий трагический смысл, напоминая гамлетовские: "Распалась связь времен..."

Без этой главы путь прозрения Володина, да и общая картина советской державы были бы явно неполными.

Другая, не менее важная глава — "Тверской дядюшка". Здесь историческая панорама раздвигается за пределы сталинской эпохи. В разговоре дядюшки и племянника "перепрыгивались десятилетия, и предметы": говорилось о границах и сущности патриотизма, о Второй мировой войне — самой трагической войне в истории России, об октябрьском перевороте, об атомной бомбе.

Особенно трагически звучит рассказ дядюшки о разгоне Учредительного собрания — одной из самых роковых страниц русской истории XX века. На Иннокентия этот рассказ производит потрясающее впечатление еще и потому, что среди громил был его отец. Быть может, не последнюю роль в героическом решении Володина сыграл вопрос дядюшки: "...грехи родителей падают на детей?.. И от них надо отмываться?" (II, 90).

Обогащают общую картину и детали, вставленные в другие главы. В частности, значительно полнее раскрывается история "Великой Отечественной" войны. Так, Спиридон рассказывает: "В партизаны изнудом гнали /.../ спускали с парашютами московских инструкторов, и те выгоняли крестьян угрозами или ставили безысходно" (II, 139). Говорится и о трагедии репатриантов, преданных нашими союзниками. Вставлен рассказ Пряничкова и Потапова о "мошеннической репатриации" — "мелком гадком жульничестве огромного государства" (II, 45—46).

Новые дополнительные штрихи усиливают и безотрадную картину послевоенных лет. К рассказу о том, как даже у бывших самоотверженных фронтовиков проснулась жажда пристроиться поближе к

пирогу, вслед за словами-мыслями Шагова: "Стоило взяться за голову и подумать", — добавлены теперь такие строки: "...за что же дрались? Этот вопрос многие и задавали — но быстро попадали в тюрьму" (I, 414).

Дополнительные черты характеризуют и международную политику Советской державы, в частности, тактику шпионажа, политических убийств. Так, теперь о работе Володина-дипломата говорится: "Главная-то работа была вторая, тайная: встречи с зашифрованными личностями, сбор сведений, передача инструкций и выплата денег" (II, 75).

Радикальной переделке подверглись страницы, где рисуются споры героев романа (споры и ранее играли в нем весьма существенную роль). Появились новые сцены (в 47-й главе — спор Нержина с Рубиным о социализме; в 90-й главе — Герасимовича с Нержиным о разумно устроенном государстве). Споры, как правило, носят трагический характер. В них звучит тема утраченных иллюзий, говорится о загубленной стране. Мысль собеседников тщетно бьется в поисках выхода, но дальше утопий никто не идет.

Трагизм романа усиливается еще и потому, что стала острее критика западного мира, столь характерная для публицистики Солженицына последующих лет.

"Атомный" сюжет уже сам по себе содержит зерно язвительной критики. "О, каких дураков выращивает сытость!" — негодует Володин, которого так и не понял (да и не старался понять) американский атташе. С болью, с горечью думает Иннокентий о "самонадеянных американцах": "Они дождутся-таки сплошной коллективизации фермеров! Они — заслужили..." (II, 269).

Интересны и появившиеся в романе размышле-

ния умного приспособленца Яконова: "...победителем будет Советский Союз. Яконов понял это еще после поездки в Европу в 1927 году. Запад был обречен именно потому, что хорошо жил — и не имел воли рисковать жизнью, чтоб эту жизнь отстоять" (II, 224).

О слабости Запада часто размышляют в "Круге-96" и другие герои. Так, Глеб мысленно готов согласиться с Герасимовичем, который говорил о необходимости бороться. "Действительно, — думает Нержин, — если нигде в мире не останется свободного слова, 'Таймс' будет послушно перепечатывать 'Правду', негры с Замбези — подписываться на заем, луарские колхозники — гнуться за трудовни, партийные хряки — отдыхать за десятью заборами в калифорнийских садах — для чего тогда останется жить?" (II, 368).

Невозможно перечислить, сколько трагических фактов, горьких мыслей, отдельных реплик появилось в "Круге-96". В словах многих персонажей явно ощущаются боль и тревога самого автора. Но это нисколько не нарушает художественной правды, скорее — усиливает ее. Ведь герои романа — современники писателя, часто близкие ему по своему положению и мировоззрению. Это — не рупоры авторских идей, а живые люди. Окончательная редакция как раз и отличается от предыдущей полнотой и глубиной проникновения в трагический мир современного человека, потрясенного катаклизмами XX столетия.

САТИРА В РОМАНЕ

"В круге первом", как и другие произведения Солженицына, представляет собою органический

сплав трагедии и сатиры⁴. Это характерно для обеих редакций романа. Однако в "Круге-96" усиливается не только трагическое, но и сатирическое начало.

Появляется множество диалогов, отдельных реплик, авторских замечаний, которые носят остро сатирический характер. Вот лишь один из многих примеров.

В "Круге-87" Двоетесов спрашивает Земелю, помнит ли тот царя, и, услышав утвердительный ответ, качает головой: "На-прас-но /.../ Забывай". В "Круге-96" диалог на этом не обрывается. После слова "Забывай" следует продолжение: "А то социализм нужно качать". И далее:

"— Да ведь, Костя, — робко возражал Земеля. — Социализм-то вроде построен, говорят.

-- Ну-у-у? — вылупливался старший вакуумщик.

— Да-а. Еще с тридцать третьего, что ль, года.

— Это когда на Украине голод был? Так подожди, подожди, а что ж мы теперь вот день и ночь откачиваем?

— Теперь? Коммунизм, наверно, — сиял Земеля.

— Да-а?!.. Вон она-а!.. — придурковато гундосил старший вакуумщик и, шаркая, уходил в свой угол" (I, 352).

Подобных сатирических вставок в романе несчетное множество. Появляются и целые главы. Такова блистательная глава "Диалектический материализм — передовое мировоззрение", в которой сатирическому обличению на этот раз подвергаются не отдельные деятели или институты советского государства, а самая основа основ — Передовая Идеология.

Уже в предыдущей главе вставлено всего лишь одно слово, передающее отношение к политучебе советских граждан и как бы подготавливающее чи-

тателя к восприятию последующего: Ройтман пошел "загонять" своих подчиненных на лекцию товарища из Обкома.

Кто из нас, людей старшего поколения, не помнит томительно пустых часов, убитых на изучение "Краткого курса истории ВКП(б)"?! Кто не помнит и того, о чем говорит Солженицын: почему-то ежегодно изучение доходило до IV главы, на ней застревали, а в следующем году, как в сказке про белого бычка, все начиналось сначала... И кто из нас не слышал лекторов, подобных солженицынскому Шамсетдинову?!

Его речь так точно сконструирована, что кажется, будто она записана с магнитофонной ленты. Она может показаться утрированной, но лишь тем счастливым, кому не пришлось слышать подобных ораторов. Нет, писатель абсолютно точно воспроизвел сочетание вопиющего невежества с апломбом номенклатурщика, ходячих штампов с безграмотными оборотами.

Все, что говорит лектор обкома, лишено здравого смысла и похоже на заклинания шамана. Вот послушайте: "Первым большим разделом диалектического материализма — это материалистическая диалектика. Я вкратце охарактеризую на ее основные положения /.../ Первая черта, это то, что ... взаимосвязь!" (II, 296). Трудно сказать, что является здесь первопричиной: скудоумие или незнание русского языка?

Но наряду с тем и другим особенно комически выглядит стремление лектора "свою ученость показать" — его пристрастие к иностранным словам, которые он безбожно коверкает ("социал-регенаты", "непримиримый комплект").

И тут же — излюбленные штампы: "социал-предатели, правые социалисты всех мастей", "империа-

лизм, загнивающий на наших глазах”, ”подлый слуга буржуазии, дипломированный лакей поповщины”.

Великолепны авторские ремарки, сопровождающие речь лектора. Вначале голос его ”рокотал”, он говорил ”зычно, категорично, как бы давя мятеж с капитанского мостика”. Когда дело дошло до знаменитого примера, иллюстрирующего закон перехода количества в качество (вода при нагревании превращается в пар!), из груди лектора вырвался такой торжествующий крик, что иные даже вздрогнули. Подстать интонациям — и жест. То лектор ”резко откинулся, будто ему дали понюхать нашатырного спирту”; то вдруг ”усталость свалила его, он поморгал, опустил на стул”; то вновь ”оживился, поднялся на ноги и, размахивая большим кулаком, шутя громил убогую формальную логику”.

Картину дополняет реакция тех, кого ”загнали” сюда и кто в состоянии сонной одури слушает оратора или пытается как-то развлечься. У всех одно желание: поскорей бы кончилась эта канитель!

Смех — убивает. Эти крылатые слова вспоминаются и когда читаешь главу ”Диалектический материализм...”, и когда читаешь зловещие, трагические, пропитанные сарказмом главы о Сталине. В ”Круге-96” образ его значительно обогатился. Он стал еще страшнее, еще трагичнее. И, вместе с тем, усилилось сатирическое начало.

И в ”Круге-87” сатирический эффект сталинских глав основан на контрасте всемогущества и бессилия, внешнего величия и внутреннего ничтожества. Однако контрастные краски еще отчетливее проступают в последней редакции романа.

В большей степени подчеркивается могущество властителя полумира и его собственное представление о своем величии. Достаточно указать на то, как

изменилось название 22 главы (бывшей 21-й): она теперь называется не "Старость", а "Император Земли".

Наряду с этим стало острее изображение бессилия, угасания, одиночества. Вставлены, например, такие потрясающие строки: "Тяжелыми волнами било в голову, слабеющая цепь мыслей распалась — и он совсем забыл, зачем подошел к этим полкам? о чем он только что думал? Он опустился на близкий стул, закрыл лицо руками" (I, 170). Контраст усиливается благодаря перестановке глав. Теперь за главой, куда вставлены эти и следующие за ними трагические строки о старости, об ужасе одиночества, идет глава "Язык — орудие производства", написанная в такой же гротескной манере, как и "Диалектический материализм...". Прежде о создании "гениального труда" по вопросам языкознания рассказывалось до эпизода встречи Сталина с Абакумовым. Теперь же трагическая глава "Император Земли" и комическая "Язык — орудие производства" поставлены рядом, и это усиливает контраст между страшным и смешным. Существенно и то, что весь сталинский цикл кончается не трагическим, а сатирическим аккордом.

Замечателен и переход от 22-й главы, рисующей трагедию старости, к 23-й, рисующей комедию мнимого величия. 22-я кончается такими словами: "Беззаботная страна может спать, но Отец ее спать не может!" (I, 171). Что же делает "Отец" во имя счастья своих детей? Совершает "еще один научный подвиг" — создает никому не нужный "труд по вопросам языкознания", который эти бедные дети будут потом изучать на политзанятиях.

Шаг за шагом прослеживает писатель процесс соиздания "гениального труда". Это — великолепный гротеск. Явственно звучат фантастические мотивы.

Среди них выделяется вставленный в "Круг-96" выразительный штрих: оказывается, "Отец" никогда "никакой живой России" не видывал. "И у него укреплялось ощущение, что /.../ вся Россия придумана (удивительно, что иностранцы верят в ее существование). К счастью, однако, это неживое пространство исправно поставляет государству хлеб, овощи, молоко, уголь, чугун /.../ Еще и отличных солдат поставляет это пространство" (I, 174).

Конечно, в действительности Сталин думать так не мог. Но здесь, как и у Салтыкова-Щедрина, сатирическая фантастика становится реальнее самой действительности.

Как видим, в сталинских главах усиливаются те черты, которые были им присущи и в "Круге-87". Но этим не ограничивается работа писателя. Появляется (или восстанавливается) двадцатая глава, которая вносит нечто новое в образ Вождя, — "Этюд о великой жизни".

Суть ее соответствует характеру остальных: писатель стремится показать своего героя изнутри, понять его психологию, его чувства, его нутро. (Все посвященные ему главы содержат элементы внутреннего монолога.)

И вот, изобразив Сталина в зените славы и в преддверии смерти, Солженицын хочет понять, как формировался этот уникальный характер, почему именно Иосиф Джугашвили сумел захватить власть, в чем его преимущество перед многочисленными соперниками. Глава "Этюд о великой жизни" — не столько исторический экскурс, сколько исследование психолога.

Соответствует ли исторической правде этот психологический очерк? На подобный вопрос ответить невозможно, ибо ни один историк не владеет рентгеновским аппаратом, способным обнажить потаен-

ные недра души. Это доступно лишь писателю, на помощь которому приходит интуиция и творческое воображение. Сталин предстает перед нами таким, каким увидел его Солженицын, как и Ричард III или Генрих IV предстают такими, какими увидел их Шекспир, а Наполеон — каким увидел его Толстой.

Жизнь Сталина, приведшая его на вершину власти, рисуется в новой главе как цепь неудач. "Безнадежно народилась эта жизнь", — говорится в начале главы. Но именно неудачи закаляли столь недюжинный характер, сформировали столь извращенную психологию.

Не умом, не красноречием, не познаниями, даже не жестокостью отличался солженицынский Сталин от своих конкурентов. Силу его писатель видит в другом. Это, во-первых, — "сила невысказанного решения" (тому, кого оно касается, прежде времени знать о роковом решении не надо); "Вторая сила: чужим словам никогда не верить, своим — значенья не придавать /.../ Третья сила: если тебе кто изменил — тому не прощать, если кого зубами схватил — того не выпускать /.../ четвертая сила: не на теории голову направлять /.../ а постоянно соотносить: с кем тебе сейчас по пути и до какого столба" (I, 137—138).

Верен или не верен этот психологический портрет, но он вполне соответствует тому образу, который нарисован в остальных главах, и дополняет их, ибо помогает понять потаенные корни сталинщины.

УГЛУБЛЕНИЕ ПСИХОЛОГИЗМА

Работа Солженицына над образом Сталина шла в том же направлении, что и работа над образами других персонажей: по линии углубления психологизма.

”В круге первом” — не только исторический, но и психологический роман. И тайны человеческого сердца волнуют писателя не меньше, чем загадки исторического процесса.

Работая над текстом, Солженицын находит новые впечатляющие детали, тончайшие нюансы, выразительные слова, полнее и глубже раскрывающие внутренний мир его героев. Так, например, уже в первой главе, стремясь точнее передать состояние смятения и страха, в каком находится Володин, писатель так меняет текст: вместо ”взял инструкцию” — ”сгреб все со стола”; вместо ”оделся” — ”едва натянул внизу пальто, насадил шляпу”; вместо ”запер дверь” — ”метнулся, запер дверь”.

В 25 главе, повествующей о душевном состоянии Яконова, которому грозит полный крах, вставляется всего лишь одна фраза. Но как много за ней скрыто! Она предшествует следующему описанию утра: ”Светало. Торжественная очищенность была в примороженном воздухе. Обильный мохнатый иней опушил широчайший пень срубленного дуба, карнизы недоразрушенной церкви...” А вставленная фраза говорит об отчаянии человека: ”Не тянуло его оглянуться на красоту утра” (I, 193).

Но фраза эта важна и потому, что она перекликается с началом следующей главы, где мы видим то же утро глазами зэка: ”Светало. Щедрый царственный иней опушил столбы зоны и предзонника, в двадцать ниток переплетенную, в тысячи звездочек загнутую колючую проволоку, покатую крышу сторожевой вышки и нескошенный бурьян на пустыре за проволокой. Дмитрий Сологдин ничем не застланными глазами любовался на это чудо” (I, 193). Зэк счастливее тюремщика! Тюремщик — раб своего благополучия. Зэк, все потеряв, обрел внутреннюю свободу, и красота мира принадлежит

ему. Теперь эта тема — одна из центральных в романе — звучит более отчетливо.

Быть может, наиболее тонкая, филигранная работа шла над образом Глеба Нержина. Он и в "Круге-87" во многом кажется вторым "я" автора. Теперь это сходство усиливается. Так, если раньше говорилось, что Нержин работает над историческими заметками "о послеленинском времени", то теперь мы узнаем, что он готовит "этюды о русской революции"⁵.

Как и автор, Нержин считает годы, проведенные в тюрьме, плодотворными для его духовного развития. Но в последней редакции появились и такие строки: "Откуда ж лучше увидеть русскую революцию, чем сквозь решетки, вмурованные ею?" (I, 363).

Появляется и новая, 75-я глава "Четыре гвоздя их памяти", в которую лишь частично вошел старый материал. Размышления Нержина в этой главе сближают его с автором и как с человеком, видящим свое призвание в том, чтобы сохранить для истории память о жертвах и палачах. Появляются такие строки: "Это поразительное свойство людей — забывать! /.../ Но тем сильнее за всех за них Нержин чувствовал свой долг и свое призвание. Он знал в себе дотошную способность никогда не сбиться, никогда не остыть, никогда не забыть. И за все, за все, за все, за пыточные следствия, за умирающих лагерных доходяг и за сегодняшнее утреннее объявление — четыре гвоздя их памяти! Четыре гвоздя их вранью, в ладони и в голени — и пусть висит и смердит, пока Солнце погаснет, пока жизнь окончится на планете Земля. И если больше никого не найдется — эти четыре гвоздя Нержин вколотит сам" (II, 195).

Нет сомнения: клятва Глеба звучит, как клятва

самого Солженицына, определившая направление всей его жизни.

Духовное родство писателя и его героя, как видим, усиливается, и соответственно внутренний мир Глеба становится глубже, утонченней, многограннее.

Остановимся хотя бы на одной из самых сильных и трогательных глав, которая в "Круге-87" называлась "Нет, не тебя...", а в последней редакции получила название "Перепелочка". Уже само это переименование говорит о многом: вместо отрицания — "Нет, не тебя так пылко я люблю", — полное нежности и жалости ласковое прозвище.

Существенные изменения мы увидим и в тексте главы. Вот, замирая от страха, Симочка слышит шаги Глеба. Было: "твердые быстрые шаги"; стало: "он ступал тише обычного". Меняется и выражение его лица. Вместо: "лицо его было сумрачно, не обещало доброго", теперь читаем: "лицо его было смущено, даже сумрачно". Снимает Солженицын и такое сравнение: "как прокурор, смотрел он на нее".

Вставляются слова, характеризующие и силу чувств Глеба, и их высокую одухотворенность: "Как мечталось об этом вечере /.../ И вот пришел тот час, и препятствия нет! /.../ все есть! — все, кроме... Душа вынута. Осталась на свидании /.../ Но, кажется, — душа тут совсем не нужна?! Странно: нужна" (II, 308).

Острее передана и жалость Глеба к Симочке, и драматизм всей ситуации. В "Круге-87" было: "Тихий выстрел, сделанный хрипловатым голосом, уже попал в цель. *Симочка не смотрела на Глеба.* Она вся обмякла /.../" (т. 4, с. 713). Вместо подчеркнутых слов вставлены куда более сильные: "Перепелочка была уже сбита" (II, 309).

Существенно меняется концовка главы. В "Кру-

ге-87” подробнее описывается пение Обуховой, цитируются разные романсы, которые она исполняла, приводятся размышления Глеба о сходстве чувств, выражаемых во всех песнях, в конце сцены он предлагает Симочке привести себя в порядок и т. д.

В окончательной редакции концовка главы становится гораздо лаконичнее, и благодаря этому звучит куда более эмоционально. Сравним следующие строки:

”Круг-87”

”Круг-96”

”Прости меня! — потрясенный сказал Глеб”.

”Прости меня! — забрало Глеба. — Прости меня! Прости меня!”

И далее, вслед за этим страстным ”Прости!” — следует прощальный поцелуй (в прежней редакции Глеб целует Симочку не под влиянием мгновенного порыва, а после размышлений о песнях). Теперь само слово ”прости” наполняется новым смыслом: это и просьба о прощении, это и прощание навеки.

Последняя фраза, завершающая главу ”Перепелочка”, звучит сразу же после прощального поцелуя. В концовке есть что-то недосказанное, но в этом ее особая эмоциональная сила. В обоих вариантах пение Обуховой приносит героям просветление, облегчает их страдания. Но в прежней редакции об этом сказано чересчур рационалистически, в лоб. И как кратко, как проникновенно звучат последние слова главы в окончательной редакции: ”Симочка плакала без всхлипываний, без вздрагиваний, обильно, освобожденно” (II, 314).

Значительнее, глубже становится духовный мир и некоторых других персонажей романа (например, Клары Макарыгиной). Иные же образы явно снижаются, и это звучит в унисон с обличительной направленностью произведения. Такого рода эволюция совершается с образом Шагова. Вот лишь неко-

торые штрихи. По поводу визита Щагова к Макарыгиным говорилось: "Должна была там быть и Лиза, та девушка, которую Щагов назвал Наде своей невестой, но с которой еще окончательно не было решено *и объявлено*" (т. 4, с. 473). Теперь фраза кончается иначе: "не было решено *и надо было дожить*" (II, 64).

И далее появились аналогичные по своему характеру строки: "Помимо того, что надо было держать и приблизить свою намеченную невесту, главной надеждой и желанием Щагова в этот вечер было — вкусно, разнообразно и досыта поесть" (II, 65).

Истинное лицо Щагова раскрывается и в таких словах, появившихся в последней редакции: его манит к себе, неотразимо влечет "вся теплая светлая действительность, и это закоренелое богатство, изостланное и уставленное вокруг, в которое он с занывающими ранами, с сухотой желудка вошел еще пока разведчиком, но которое обещало стать и его будущим (II, 114).

Как ни выразительны эти вставки, образ Щагова не стал из-за них односторонним. В нем сохранились и привлекательные черты: ум, умение держаться с достоинством, явное превосходство над макарыгинской средой. Но тем тлетворнее кажется теперь общая удушающая атмосфера, развращающая даже людей незаурядных, с лучшей стороны сумевших проявить себя на фронте. Объем статьи не позволяет привести другие многочисленные примеры, свидетельствующие о том, какую колоссальную работу проделал писатель, стремясь полнее, глубже и тоньше раскрыть духовный мир своих героев.

”Как хотелось бы работать не спеша! Как хотелось бы ежеден перемежать писание с неторопливой бескорыстной языковой гимнастикой. Как хотелось бы десяток раз переписывать текст, откладывать его и возвращаться через годы, и подолгу на пропущенных местах примерять и примерять кандидатов в слова. Но вся моя жизнь была и остается гонка...”⁶

Так писал Солженицын в 1967 году. Это — крик души. Но все же, несмотря на гонку, он создал семь редакций своего первого романа и в процессе его создания успевал заниматься ”неторопливой языковой гимнастикой”. Образцы этой работы приводились в предыдущих разделах. Но ими она далеко не исчерпывается.

Работа писателя над языком романа шла в разных направлениях. Так, он добивается большего лаконизма, ”пропальвая” текст, убирая лишние слова. Благодаря такой ”прополке”, фраза становится более легкой, выделяются особенно важные слова, убираются явно неуместные. Вот лишь некоторые примеры (из окончательной редакции устранены выделенные здесь слова — либо слишком высокие в данном контексте, либо попросту ненужные и утяжеляющие фразу): Потапов ”выжил главным образом своим *нечеловеческим* умением делать привлекательные зажигалки” (т. 3, с. 79). ”...чье изображение столько раз было изваяно в статуях (т. 3, с. 122) ”Комната весело гудела, обсуждая *перспективу* елки (теперь — ”елку” — т. 3, с. 229); ”Все, что действительно рвало и сотрясало сердца...” (т. 3, с. 235); ”Война открыла им доступ к *простым* общепонятным чувствам человека. Но и тут на *гамлетовскую* высоту они поднимали (те-

перь "выдували") какие-то необычные невозможные конфликты /.../" (т. 3, с. 235).

Каждое из этих изменений вроде бы и незначительно, но все они в совокупности делают язык более динамичным и выразительным.

Особенно замечательны многочисленные случаи, когда писатель заменяет слово нейтральное, безликое, лишь приблизительно выражающее нужный смысл, — словом живописным, точным, тем единственным, которое незаменимо никаким другим. Ограничусь опять-таки лишь несколькими примерами:

"Круг-87"	"Круг-96"
по радио "чушь передавали"	по радио "обсосину подавали"
Симочка "пробиралась сквозь эту математику"	Симочка "продиралась"...
"ему дали четвертую и пять по рогам и отправили в Норильск"	"ему сунули четвертую /.../ и закатали..."
Рубин хочет "продолжать Хемингуэя"	Рубин хочет "гло- тать..."
"в густой тишине"	"в трусливой тишине"
"Мысль ускользнула"	"мысль сорвалась в провал памяти"
"без черного штампа ЗАГСa в паспорте"	"без грязного штампа..."
"Наконец, 'людей и лошадей знобя' сюда /.../ был доставлен из-под Салехарда" Бобынин.	"Наконец долгоруким молниевидным спецнарядом сюда /.../ был доставлен..." Бобынин.

Во всех приведенных случаях, как и во множестве других усиливается образность и эмоциональность авторской речи.

Острее становится и ирония. Например, в рассказ о деятельности парторга Степанова в бытность его

агитатором на уборочной вставлены подчеркнутые ниже слова: он *"неустанно разъяснял им в свете всепобеждающего учения Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина важность того, чтобы земля каждый год засеивалась /.../ переходил к трактористам и объяснял им в свете того же бессмертного учения важность экономии горючего /.../"* (т. 4, с. 621). И далее, после упоминания барельефа с силуэтами *"Основоположников"*, вставлены подчеркнутые слова: *"Но силуэты на барельефе оставались бронзово-бесстрастны. Гении смотрели друг другу в затылок и не подсказывали Степанову решения /.../"* (т. 4, с. 630).

Нередко меняется стилевая окраска речи с целью приблизить повествование к особенностям языка того героя, о котором ведется рассказ. Так, в главе о Спиридоне увеличивается количество специфически народных слов. Производятся следующие замены: *"разбереживал"* — *"разверевживал"*, *"всю деревню"* — *"всюю деревню"*, *"никогда"* — *"николи"*, *"утреннего"* — *"давешнего"*.

В сталинских же главах, напротив, снимаются народные пословицы и выражения, чуждые речевому строю этого персонажа. Убраны, например, такие обороты: *"Нагорожено семь верст до небес, и все лесом"*, *"без третьего не поскачешь"*.

Работая над языком, Солженицын стремится к расширению лексических средств, вводя в литературную речь редко употребляемые, забытые, необычные слова. Он обращается к словарю Даля, он находит новые слова в живой разговорной речи, иногда, быть может, создает и сам. Такого рода стремление — не только естественная реакция на стертый, омертвевший язык казенной литературы. В работе писателя над словом сказывается и его особое отношение к национальной культуре, к ценностям, соз-

данным народом, то "почвенничество", которое столь четко выражено в его публицистических работах.

Солженицын, конечно, не уподобляется своему герою Сологдину, стремившемуся создать Язык Предельной Ясности, в котором не было бы ни одного иностранного слова. В авторской речи таких слов не мало, писатель не пытается избегать их и, вместо "галоши", не говорит "мокроступы". Он заменяет необычными слова примелькавшиеся лишь с одной целью: придать языку максимальную выразительность. И так появляются замены: "давила система" — "давило тупее"; писал "микроскопически" — писал "игольчато"; "чавкали баланду" — "жвакали баланду"; "ледяной тяжестью" — "ледяным напугом".

Быть может, не всегда такого рода замены улучшают текст. Судить не берусь, ибо понимаю, насколько глубже и тоньше знает и чувствует язык истинный мастер, нежели его критики. Иные замены на первый взгляд кажутся неудачными (например: "блестевшая Яуза" — "блесчатая"; "неоткрывающихся окон" — "безоткрывных окон"; "раскрасневшемуся лицу" — "раскраснелому").

Но ведь ухо наше консервативно. Возможно, и эти необычные формы выбраны не ради их необычности, а по какому-то замыслу, который просто не удалось разгадать.

Не права ли Марина Цветаева, утверждавшая, что нелеп вопрос применительно к подлинным произведениям искусства: "Как это сделано?" "Подход сам по себе несостоятельный", ибо в каждой рожденной вещи концы скрыты⁷.

Конечно, далеко не все поддается логическому истолкованию, и тайные пути творческой мысли бывают непостижимы и необъяснимы. Но, несмотря на

это, естественно и, думается, плодотворно наше стремление заглянуть в мастерскую художника и разгадать секреты и тайны творческого процесса.

Вспоминаются слова Пушкина: "Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная"⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

Ссылки на произведения Солженицына даются в тексте. Когда ссылка дается на последнее собрание сочинений (Вермонт—Париж, ИМКА-Пресс), в скобках указывается римскими цифрами номер тома и арабскими цифрами номер страницы (например: "II, 26"). Когда дается ссылка на шеститомное собрание сочинений (Франкфурт/М., "Посев"), во избежание путаницы в скобках пишется: "т. 3 или 4, с. такая-то".

1) См. примечания Солженицына (II, 403).

2) А. К р а с н о в - Л е в и т и н. Два писателя, Париж, "Поиски", 1983.

3) Лев К о п е л е в. Утоли моя печали. Анн-Арбор, "Ардис", 1981, сс. 95—96.

4) Об этом более подробно автор данной статьи говорит в книге "Дар духовного подвига" (Заметки о творчестве Солженицына), которая выходит в издательстве "Посев" в 1983 году.

5) Известно, что Солженицын задумал роман о русской революции еще будучи студентом и собирал для него материал в тюремные годы.

6) А. И. С о л ж е н и ц ы н. Бодался теленок с дубом. Париж, ИМКА-Пресс, 1975, с. 148.

7) Марина Ц в е т а е в а. Искусство при свете совести. "Литературное обозрение", 1982, № 10, с. 101.

8) А. С. П у ш к и н. Арап Петра Великого. Собр. соч. в десяти томах. Москва, 1960, т. 5, с. 19.